

827(574)

СЧЗ

Николай Слепцов

Поэма

Мой причал

824(574)
С 47

Николай Слепцов

Мой причал

Поэма

Караганда, 2016

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-5
С 47

Мой причал

С 47 Мой причал: поэма / Николай Слепцов. - Караганда:
подготовлено к печати ТОО ИД "Классик"
Отпечатано: ТОО "Типография Арко", 2016 - 104 с.

ISBN 978-601-204-354-9

"Мой причал" — в названии этой поэмы, вышедшей из-под пера агадырского писателя Николая Слепцова, заложен глубокий смысл. На страницах произведения автор отводит себе роль голоса жизненного опыта, делаясь с читателем своими взглядами на окружающую действительность, высказывая точку зрения касаясь самых разных вопросов — политики, искусства, общественного уклада, моральных и нравственных ценностей... В чем-то с Николаем Андреевичем можно согласиться, а в чем-то и поспорить. Но главное все же заключается в другом: автор абсолютно уверен, что краше и милее его родного Агадыря нет места на земле. Это и есть его причал...

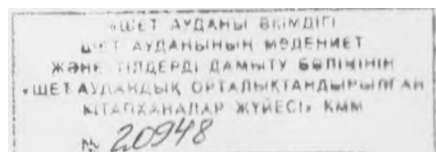
УДК 821(574)
ББК84(5 Каз- Рус) 5

Над книгой работали:
К. Круглов,
Ю. Александрова,
Л. Зенгер.

ISBN 978-601-204-354-9

Слепцов Н., 2016

От автора к читателю

Именно так обратился к своим читателям автор романа "Петербургские трущобы" Всеволод Крестовский, живший и творивший в 19 веке. Последую ему и я.

О "Моем причале" я задумался только в 2016-ом, и то лишь в феврале, за месяц до моего большого-таки 79-летия. Подумал: 79 — это все-таки годы, до каких нынче в атомный космический век, в век безумного

количества машин с их бечумным движением и задымлением нашего воздушного пространства, и каком мы живем и каким дышим, прожить большие годы непросто.

И правда: мои друзья по прежней работе, мои сверстники, а то и вовсе мужики моложе меня, но вышедшие на свой заслуженный, отчего-то потихоньку уходят в мир иной, не предупреждая о своих хворях и каких-то болезнях, каким нужно долгое и дорогое лечение... Ни на что мои друзья и вообще простые мужики не жаловались, а вот тихо засыпали и не просыпались. То ли такой век наступал, то ли атомный энергетический процесс влияет, то ли какие-то космические пертурбации происходят, какие, сплюсованные вместе, и отнимают человеческую жизнь. Один мужик так и вовсе на "дембеле" протянул всего лишь два года и заснул прямо на диване перед телевизором, какой что-то показывал и даже о чем-то глаголил. Жена хлопотала на кухне, готовя какую-то обеденную похлебку, принесла что надо, кликнула мужа к столу, а он сидел в мирной позе. Жена подошла к нему, а он уже начал стынуть...

Другие друзья и знакомые по поселку уходили из жизни тихо, будто крадучись. Лучший друг, мой ровесник и к тому же мой тезка, так и до пенсии не дотянул. Работал он, правда, в Караганде, ехал с работы домой в автобусе и в автобусе же заснул прямо в автобусном кресле. До "дембеля" ему оставалось так целых семь лет...

Все эти случаи, видно, заставили меня задумать "Мой причал". Работал я над ним всего лишь тройку месяцев. Что получилось — не ведаю, но я в этом "Причале" выложил до последнего. Понимал: надо спешить, иначе я с собой унесу невысказанные мысли, что наверняка будет обидно мне, а может, и самому читателю.

Что я хотел сказать этим "Моим причалом"? В поселок, а точнее, на большую железнодорожную станцию Агадырь, что в трех часах езды до областной Караганды на электричке, я был заброшен по направлению после окончания Акмолинского железнодорожного училища шестидесятилет назад. В то время железная дорога только-только начала переходить на тепловозную тягу, давая отстанку вечному паровозу, появившемуся на Руси как бы не со времен самого Черепанова. Новый вид тяги требовал и новую службу с новой профессией, какая в корне отличалась

от паровозной. На паровозе бери лопату и бросай уголь в топку, создавай больше пару, а тепловоз — это уже был двигатель внутреннего сгорания, где от человека зависело лишь одно: дай двигателю топливо да нажми на кнопку его запуска, все остальное пойдет своим чередом, предусмотренным и разработанным конструкторами.

В 50-ых годах появились и специальные тепловозные учебники, по которым мы, учащиеся Акмолинского ЖУ, два года осваивали тепловозную науку. После же окончания ЖУ, как было принято в то время, всех учащихся разослали по локомотивным депо Казахстана. Нас, тепловозников, в училище было всего две группы: одиннадцатая, в какой обитал и я, готовила слесарей по ремонту тепловоза, в какой было двадцать пять гавриков, и двенадцатая, готовившая помощников машиниста тепловоза. После училища половина слесарной братвы была направлена в Агадырь, а другая половина — в Кзыл-Орду. Куда-то разбросали и помощников машиниста; в Агадырь попал всего лишь один из них, звали его тогда просто Виктор Верба.

Как бы ни было, а жизнь шла своим чередом. Мы, тогдашние двадцатилетние, трудились впрямь по-коммунистически. Я так слесарил в депо Агадырь три коммунистических пятилетки, был передовиком, часто вывешивался со всеми на деповскую доску почета. В отделе же кадров нас предупредили, что мы, выпускники "железки", должны отработать на той же "железке" аж целых четыре года, и только после них мы имеем право уволиться и идти куда пожелаем. Из пятнадцати моих училищных друзей после четырех лет Агадырь покинули все, и только я один остался на моей родной "железке", отдав ей сорок лет. И в конце 20 века я был выпровожен, как мы любили говорить, на "дембель", на каком я уже семнадцать лет.

А в самом Агадыре так я уже все шестьдесят, не влекут меня города ни в моем Казахстане, ни тем более где-то в другой стране. Дети зовут на Алтай, где они обосновались после распада СССР, но мы с женой решили: Агадырь останется нашим причалом до конца наших дней! Женька моя и вовсе так родилась в Агадыре, и мы вот-вот готовимся отметить и ее восьмидесятилетие. Я так свой отмечу 7 марта 2017-го, а она — двумя годами позже.

Причал, говорят, это что-то связанное с большим водным пространством, чего в Агадыре никогда не было, нет и не будет. Но поселок все равно остается моим причалом, где я начинал большую сознательную, рабочую и всю свою человеческую жизнь, какую я наверняка здесь же и закончу. Говорят, жизнь можно взять даже мужеством. Мужеством брались города, села и высоты и уничтожался враг, пришедший на твою землю, а вот взять мужеством жизнь... Взять жизнь мужеством вряд ли под силу простому смертному. Кто-то сказал, что некоторые пытались и пытаются, но жизнь говорит, что взять ее может только надежда.

Взять надеждой... В связи с этой надеждой почему-то прицепились слова старого коммунистического времени и старого коммунистическою поэта, какие даже вложились в песню: "В Красной Армии штыки, чай, найдутся, без тебя большевики обойдутся". Отчего-то подумал: а разве не могут наши боевые казахстанские литературные штыки обойтись без какого-то провинциального агадырского солдата, также пробующего свое перо на литературном фронте? Ведь, как видно из его стихотворных наборов, дышит он провинциальщиной и заскорузлой простотой. Нет в его стихах наших казахстанских литературных и поэтических асов, как редактор журнала "Простор" Валерий Михайлов, сотрудники этого журнала Любовь Шашкова и Надежда Чернова, не говоря уже о таких наших титанах поэтического слова, как Олжас Сулейменов. О них знает весь литературный Казахстан и даже Россия, а обо мне не знает даже забугорный Агадырь, где я проживаю уже почти шестьдесят лет.

Не знают — и всё! Не знают как автора семи книг, среди каких романы "Годы Орлиные" и "Жизнь моя забубенная". Последний роман так даже был напечатан в республиканском журнале "Нива", какой выпускается в Астане с 1991 года. Основателем журнала и его бессменным редактором был большой поэт Казахстана Владимир Гундарев, какой ушел из жизни в 2012 году. После него журнал в тысячу экземпляров прожил только три года, из каких семь месяцев в 2015-ом. Как раз в июньском и июльском номерах и был напечатан мой роман, обещавший окончание в восьмом августовском номере. Августовского номера как раз и не последовало, поскольку журнал без всяких предупреждений был закрыт.

Так что тысяча подписчиков журнала не знает, чем же закончился роман агадырского автора. Благо что благодаря "Классику" роман этот у меня есть живой, какой я берегу, как собственное око...

В целом подумываю: надо с писаниной завязывать, не такая уж я шишка на ровном месте! Если бы мои книги как-нибудь да разошлись через торговую сеть, через книжные магазины и книжные киоски, то провинциального автора теперь уже целых десяти книг могла бы знать и какая-то часть Агадыря, где-то в Карагандинской области, а то и в самой угольной столице. Но этого, видно, никогда не будет. Не будет, поскольку мне никогда не быть Сулейменовым, тем паче даже Есениным. Простым Ванькой с пивзавода я быть могу, а поэтом, писателем... Литературное дело не для таких приبلудных в литературном деле, как я.

Как бы ни было, а жизнь идет. Я ее вижу, ощущаю, я в ней живу. То, что она диктует мне как-то описать эту жизнь, я ощущаю эту потребность, потому и выдаю на суд друзей последние мои три книги. Не знаю, встретимся ли мы еще когда-то с "Классиком" и моими единичными читателями, только мне бы этого хотелось...

Николай Слепцов

Глава первая

Мы все, друзья, когда-то
Онегина читали
И где-то даже крепко
Любовались им,
Но никак не ведали
И не предпочитали,
Что он как-то станет
Нам необходим.
Необходим не просто
Как литературный гений,
Какой когда-то среди нас
Являл себя и жил:
Пред той эпохой мы
Не преклоним колени,
Не примем и обеты,
Чем друг наш дорожил.
А дорожил он больше
Личною свободой,
Совратить с которой
Не в силах и любовь.

Он был эффектным юношей,
Увлекался модой,
На вечерах и танцах
Грел себя и кровь.
Конечно, жил Онегин
В придуманной им неге,
Любовь к нему Татьяны
Он тихо отвратил.
На деле он готов был
Драться с печенегам
И с тем, кто его женщину
Взял да полюбил.
Случилась у Евгения
Досадная ошибка:
Он Ленского ошибочно
К Татьяне ревновал.
Себя воспламеняя
Яростно и пылко,
На дуэль Владимира
Онегин вызывал.
Как ведомо, дуэль та
Уложила Ленского,
Какой лежать остался
В смертной синеве...
Ах, было то так давеча,
До времени советского,
И не в Петербурге,
И даже не в Москве.
А было то в российской
Ухоженной деревне,
В какой Татьяна видеть
Онегина мечтала.
Она себя не ведала
Заброшенной и древней,
Она себя лишь в мыслях

Мужу отдавала.
Как-никак, а мужа ей
Жизнь все же отыскала,
К Онегину любовью
Пришлось ей пренебречь.
Она к нему любовью,
Может, и дышала,
Но новую любовь к ней
Она должна беречь...
Так вот все и было
В Пушкина эпоху,
Какую он в романе
И отобразил.
Теперь я ту эпоху
Что-то помню плохо,
Хотя романом в школе
Себя, как вол, грузил.
Конечно, увлекался я
Онегиным и Ленским,
Но больше отдавался
Так Ларинской семье.
В своем детстве в школе
Мыслил по-советски,
С Онегиным и Ленским
Было скучно мне.
Ими я, однако,
И позже увлекался,
Теперь же меня строфы
И рифмы увлекли.
Теперь же я к стихам своим
На "дембеле" подался,
Хотя былые годы
Впустую протекли.
Не знаю, как там водится
С известными поэтами,

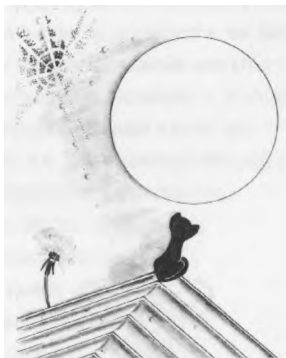
Только я к стихам своим
На "дембеле" прильнул.
Может, оттого увлекся я
Князьями да корнетами,
Что стихотворный ихний мир
Меня к себе тянул.
На "дембеле", на пенсии
Время — хоть брыкайся:
Не ведаешь, не знаешь,
Куда его девать.
Жена так мне советует:
"Сходи на свет, пошляйся!
А после тебе будет
Телек да кровать".
У пенсионеров доля
Такая незавидная:
Завтрак, телевизор,
Газеты, телефон...
Может, оттого
И друзей не видно,
Что больше у цветного
Пропадает он.
А я-таки с поэтикой
Любуюсь и братаюсь,
Где-то то к Есенину,
То к Пушкину иду,
Их стихотворным миром,
Как песней, увлекаюсь,
А свои ночами
Кропаю, как в бреду.
Жена так говорит:
"Неужто Пушкин тоже
Среди ночки лунной
Стихи свои творил?"
Не ведаю, не знаю,

Но только не похоже,
Чтоб Пушкин среди ночи
Сам себя будил.
А я, как по заданью,
Беру и просыпаюсь
И в другую комнату
От жены бреду.
Там я и с Есениным,
И с Твардовским знаюсь,
С его Васей Теркиным
По стихам иду..
А Татьяна все-таки
Верность соблюдала,
Любовь свою вторую
Мужу отдала,
Онегина в деревне
Иногда встречала,
Но судить их встречи
Превратно не могла.
Не делал и с Татьяной
Этого Евгений:
Он знал, что это жизнь
Так распорядилась.
Чтоб что-то изменить,
Не нашлось мгновений.
Так сумрачно их жизнь
Сама в себе варилась...
А что было дальше,
Пушкин не вещает,
Отмечая, что Онегин
Скукою томим,
По стране езжает
И в горах блуждает,
Отчего поэт без жалости
И расстается с ним.

Конечно, мне бы тоже
Этого хотелось:
Онегины да Ленские
Нынче не в чести,
В те годы им обоим
И жилось, и пелось,
Нам о них лишь память
Дано душой нести.

Глава вторая

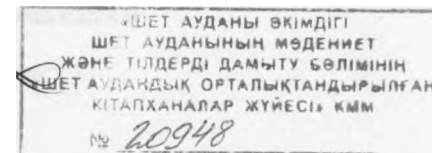

Все это я усек,
"Онегина" листая.
Ах, каких людей тогда
Рождал большой поэт!
Я тоже есть поэт,
Но я людей не знаю,
Рождать их близко к Пушкину
Таланта нет и нет.
Живу я в своем мире,
В маленьком поселке,
Не менее как целых
Шестьдесят годков.
Были и со мною дни
Где жалкие, где колкие,
Я даже не приветствую
При встрече стариков.
А что? Когда-то было
Восемнадцать-двадцать
Самых разудалых
И влюбленных лет,

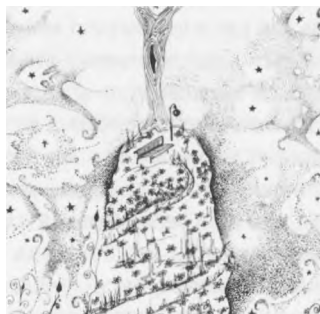
Когда жизнь призывала
Встречаться да влюбляться
И не просила даже
Какой-нибудь ответ.
А были тогда годы
Первые целинные,
Когда Хрущев с Компартией
На целину манили.
Потом солдаты с техникой,
Как они, мобильною
Горы урожая
Куда-то отвозили.
На тех целинных землях
И я с землей общался,
На своей ДТэшке
Пласт первый поднимал.
Как Стаханов, тоже
Нормы бить старался,
Поздравленья всякие
Как пахарь принимал.
Были это грамоты,
Районные подарки,
А однажды сунули
Большой велосипед.
Конечно, я старался,
Трудился до запарки,
А в зяблевую вспашку
Мне вручили плед.
Целинников, как помнится,
Всюду уважали,
Для них совхозы строили,
Детсады, жилье,
А люди с каждым годом
На земли приезжали,
Везя с собою жизнь свою,

Надежды, бытие...
 Два года с целиною
 Я крепко пообщался,
 А потом подумал:
 Целина — не я.
 Кто землю полюбил,
 Тот ей в любви признался,
 А мне так железнодорожная
 Нравилась семья.
 А все как проживал я
 На железной станции,
 Где всем крутила жизнь
 Железная дорога.
 Мне впадать не хочется
 В обиду и прострации
 И вызывать какую-то
 На себя тревогу.
 Не знаю, как Онегин там
 Работал и учился,
 Только я в железную
 "Училку" поступил,
 Затем в Агадыре
 По направлению очутился,
 Где своей работой
 "Железку" покорил.
 Слесарная работа
 Мне многое давала,
 Я любил работу,
 Имел у ней успех.
 Она меня с друзьям
 На подвиг призывала,
 И мы соревновались
 На виду у всех.
 И нас часто вешали

На доску почета,
 Конечно, мы тем самым
 Болели и гордились.
 Тогда как раз и стал я
 Вливаться в ряд поэтов,
 Тогда мои марашки
 В стихах и появились.
 Иногда их тискала
 Районная газета,
 В них жил железнодорожный
 Боевой народ.
 В целом начинающим
 Я числился поэтом,
 Но я уже осваивал
 Советской музы свод.
 Целинная эпоха
 Теперь уж не манила,
 Теперь манили космос
 И в космосе дела.
 У всех поэтов зиждилась
 Гагаринская сила,
 Какою жили космос,
 Да и вся страна.
 Конечно, жили ими
 Писатели, поэты,
 Жили, прославляя
 Большой СССР;
 У космоса ж бывали
 И свои секреты,
 Он все еще в секрете
 Свой звездный вел размер.

Глава третья

Мне женка на досуге
Как-то говорит:
"Бабки на завалинке
Так меж собой лепечут:
Мол, труд сегодня у людей
Вовсе не горит
И не гнет, как прежде,
Голову и плечи.
А мы в войну так скопом
Ходили на картошку,
Пред нами расстилалась
Трудовая ширь.
Каждый выбирал себе
Для работы стежку,
Где на ней трудился,
Как книжный богатырь.
А после, чтоб взбодриться,
Песни запевали,
С песнею нам легче
Становилось жить.
Времена такие
В наши дни бывали,

Какие мы и нынче
Не можем позабыть.
Нынче где та песня
И трудовой задор?
Да нынче люди песен
Вообще не знают.
Молодежь так вовсе
Несет какой-то вздор,
Их песни в ресторанах
Да в кафе витают.
А мы в их годы непременно
Пьянки обходили,
Нам всего дороже был
Наш душистый хлеб,
Мы знали, что колхозники
Его горбом растили,
Недаром колос обрамлял
Наш советский герб...
Нет, подруги, посмотрите
На чем они стоят:
Куда ни глянь, вокруг тебя
Машины рвут и мечут,
Которые, как пресса
И телек говорят,
Человека нипочем
Давят и калечат.
Что машинам человек?
Им скорость и дорога!
Они всегда устремлены
В простор и в никуда.
Человек им барабер,
У них не та тревога,
Чего мы в наше время
Не знали никогда.
В наше время больше мы

Лошадкам доверяли,
И ничего, катались все,
Учились и росли.
Облик человеческий
Не гнали, не теряли,
Друг другу помогали
От сердца, как могли.
Таков наш был военный век
И послевоенный,
В каком мы пятилетки
Исправно выполняли,
Мы с партией и жизнью
Были откровенные,
Добра и благоденствия
Друг другу мы желали.
А дальше бабки говорят:
Мир теперь другой,
Люди нынче отчего-то
Как собаки, злые,
Они больше заняты
Не кем-то, а собой,
А всё как наступили
Времена другие.
Сегодня тебя могут
Сглазить, оболгать,
Сделать вредный наговор,
Мужа присушить,
Черно позавидовать,
Болезней пожелать,
И чтоб ты не семье могла,
А чертям служить.
Нынче есть такие
Искусные гадалки,
Какие не боятся
И черта самого,

Они любому недругу
В колеса ставят палки,
А за деньги сделают
Ну просто ого-го!
Наговор бывает
Вообще противный,
Гадалка даже может
И смерти пожелать,
Человек бывает
Вообще невинный,
Гадалка же за деньги
Продаст себя и мать.
А вот в противоядие
Советуют бабульки:
Надо нам два имени,
А то и три иметь.
Пусть наговор в кого-то
Летит подобно пуле,
Твое родное имя
Он может пролететь.
Скажем, вы зоветесь
С мужем именами
Гульчатай, Гульмира,
Педро, Абдрахман,
Наговор, проклятья
Будут жить не с вами,
А с теми именам,
Что были вами дан".
Насколько тут активны
Бабок предрассудки,
Лично я судить и думать
Ну просто не могу.
Если уж задуматься
Хотя бы на минутку,
Сегодня от всего себе

Можно ждать пургу.
 Вечный СССР большой
 Взял да развалился.
 Чего ему жить в общности
 В большом мире мешало?
 Взял на все республики
 Враз и распылится,
 Ему воды и солнца
 И неба не хватало?
 СССР земной почил
 Без пушек и болезней,
 А все как того, видимо,
 В больших кругах хотели.
 Кому стало оттого
 Приятно и полезно?
 Эти мысли в годы те
 По миру полетели.
 Вместо прежнего СССР
 СНГ родился,
 У какого нет страны,
 Нет и президента.
 Мир такому новшеству
 Только удивился:
 Такой страны, как СНГ,
 Не было и нету..
 Есть в миру Америка,
 Россия с Казахстаном,
 Есть и Белоруссия,
 Есть Азербайджан,
 Есть Франция с Германией,
 Китай, другие страны,
 А СНГ кактакового
 Белый свет не знал.

Глава четвертая

Онегин, Ленский, Ларины —
 Их я чтил всегда,
 Учился брать у них
 Их ум и их манеры,
 Учился видеть красоту
 В селе и в городах
 И даже себя чувствовать
 Где-то кавалером.
 На деле я уж вырос
 Из юношских ланит,
 Работал, чтил любовь,
 Учился и женился.
 Слесарная работа
 Тянула, как магнит,
 На все три пятилетки
 Ей я пригодился.
 Так я и трудился
 Праведным трудом,
 Как уж говорилось,
 Три добрых пятилетки,

С женой растили сына,
Имели кров и дом,
Нередко экономя
Рублишки и монетки.
В брежневскую пору
Поднялись, укрепились,
Сын свою военную
Службу отслужил.
Сына в те же годы
Любовно поженили,
Который грузовые
Поезда водил.
А дальше жизнь делала
Крутые повороты:
СССР распался,
А там хоть закрутись.
Молодые в жизни
Выбирали квоту,
Какую выдавала
Опять же наша жизнь.
Сын в девяносто пятом
На Алтай умчался,
Там тоже на железной
Дороге пригодился,
Как и в Казахстане,
Работы не чурался,
Как и в Казахстане,
Стахановски трудился.
Родились у сына
Девочка и мальчик,
Им сегодня тридцать
И двадцать пять годков.
Сын уже и внукам
Моем ножки, пальчики,
И готов вписаться

В когорту стариков.
А мы с моею женой
Гульчатой-Раисой
(Такое имя женке
Мы выбрали вдвоем)
Обзавелись собачкой
И миловидной кисой
И целый уж двадцатник
На пенсии живем.
Двадцать лет на "дембеле" —
Все-таки немало,
У пенсионера времени
Хоть бедным раздавай.
На обед у женки
Пахнут борщ и сало,
По праздникам же женка
Варганит каравай.
На мясо моя женка
Вовсе не бросается,
Ну, а вот курятина
У нее в ходу.
Свининка да баранина
По-своему кусаются,
По заданью Гульчатой
За куркой я иду.
Из нее Раиса
Делает шедевры,
Поджаренные крылышки —
Слюнки побегут,
Лапша из курки вообще
Часто ждет в резерве,
Какой мы, как и ножкам,
Делаем капут.
Вообще, мы с моей женой
Не аристократичных правил,

В гостях иль на прогулке
 Стыдимся да жеманимся.
 Старый век союзный
 Нам много что оставил,
 Теперь мы и на "дембеле"
 С тем как-то прикасаемся.
 Бывает, стариканы
 Нас в гости приглашают,
 Что в нашей Тмутаракани
 Заведено давно,
 Ну и по привычке
 По стопке наливают,
 Ну, а после стопки
 Всем многое дано.
 Все много говорят
 И вспоминают прошлое,
 Для нас же в том бывалом
 Нас обожгла война.
 Было в жизни голодно,
 Одежда была пошлою,
 Но мы росли, как на дрожжах,
 Как и вся страна.
 Ну, а дальше — школа,
 Целинное поветрие,
 Годы становления,
 Учебы и любви...
 Тот век умчал, как будто
 Целое столетие,
 А мне так подарил он
 Все книжицы мои.

Глава пятая

Мы с моей старухой
 Гульчатай-Раисой
 Каждый год осенний
 Рвемся на Алтай.
 Сын у нас трудяга,
 Горожанин, лысый,
 Любит свое время
 И свой Алтайский край.
 Любит свою тихую
 Уютную Укладку,
 В которой двадцать годиков
 Вселился и живет.
 Бывало в ней по-всякому —
 Горечно и сладко,
 А в целом вся житуха
 Возвышенно идет.
 Есть у сына женка,
 Дети разбежались,
 Со своими семьями
 Тут же и живут,

Жить семьями отдельно
Они не испугались,
У них свои детишки,
Свои машины, труд.
Конечно, мы с Раисою
Укладку навешаем,
Где бабка своих правнуков
Святой водой кропит.
Она же их к тому же
В святой воде купает
И на сон грядущий
Им сказки говорит.
Детки так к бабуле,
Как к конфетам, тянутся,
Вместе они счастье
Детское находят.
Для меня ж они во всем
Ангелами кажутся,
И даже когда близ раки
Они с бабулей бродят.
Сын с женой советуют
Перебраться к ним:
Чего нам в Казахстане
До могилы стариться?
"Мы в своей трехкомнатной
Лишь вдвоем сидим,
Отчего бы на Алтай
Вам и не позариться?" —
Заманчиво то слушать
От детей своих.
Они в своей трехкомнатной
Друг за другом ходят,
Их дети ради истинной
Родительской любви
Временами все же

С внуками заходят.
Их же дни тусуются
На отдых и работу,
На звонки к друзьям
И к своей родне.
В праздник с выходными
Всплывают все заботы,
Какие не оставишь
На время в стороне.
А мы с моей бабушкой
Думаем, гадаем:
Сын от своей родины
Уж точно одичал...
Что бы жизнь ни делала,
Мы все ж твердо знаем,
Что Агадырь наш в Казахстане
Наш есть родной причал.
В нем так я живу
Целых шесть годочков...
Конечно ж, дорогие,
Шестьдесят годков!
В Агадыре у сына родились
Сын и солнце-дочка,
Какие стали светом
Для них и стариков.
Сын со своею женкою
Детками любят, любуются,
А мы как дед и бабка
Так видим в них себя,
Мы по избе за ними
С бабкою гоняемся,
Видя свое детство,
Свой дом, своих ребят.
А внучку так и вовсе
В садик провожали,

А потом и вовсе
В первый класс свели,
Из школы ребятенка
Иногда встречали,
Пока ее родители
В Укладку не свезли.
А Марине нашей,
Внучке долгожданной,
Тогда едва исполнилось
Только девять лет,
Ее папка с мамкой
В годы те неожиданно
Свой Агадырь покинули,
Чтоб видеть новый свет.
Вот так и прижились они
На своем Алтае,
Работали, учились,
Довольные судьбой.
Им жизнь посулила
Жить в Алтайском крае,
Любоваться жизнью,
Обью и собой...
Так жизнь и катилась,
Как ездок на стремени.
Дети повзрослели,
Там и свои пошли,
Новый век дал мысли,
Годные по времени,
Какие, как и многих,
По жизни повели.
А внуки наши как-никак
Нас с бабкой навещают,
Вспоминают детство
И бывший Агадырь.
Прежние детсадик

И школа их прельщают —
Они являют силу,
Они их поводырь.
Мы же с моей бабкой
В долгу не остаемся,
Также навещаем
Алтайские края.
Бабка так в сомнении:
Может быть, притремся,
Подадимся к сыну —
Ты, наш кот и я?
Я так своей бабке
Вовсе не перечу:
Делай что желаешь,
Я лишь твой слуга!
У меня покуда
Расправленные плечи,
Прикажешь — я ударюсь,
Как и ты, в бега.
Но я тебе по-старчески,
Гульчатай, советую:
Прежде чем решаться,
Возьми да оглянись!
Как-никак, в Агадыре
Я стал своим поэтом,
И в Агадыре мы сделали
Себя и свою жизнь.
Шестьдесят годочков
Мы с тобою вместе,
Мне так уж восьмерка
В мои года вступила.
С Агадырем расстаться
Не хочется, хоть тресни,
В нем истинно сокрыта
Божественная сила.

В нем мы и похоронили
Твоих отца и маму,
Ну, а ты и вовсе
В Агадыре нашлась.
Здесь с тобой мы встретились
Без жизненной программы,
Мы здесь вдвоем топтали
Уличную грязь.
А потом, как водится,
Мы ладно поженились,
Потом же на свет Божий
И сын наш родился.
Мы вдвоем работали,
Учились, не ленились,
И вот теперь на пенсии
Ты, наш кот и я.
Чего нам, коль признаться,
С тобою не хватает?
Пенсия что надо,
Стол всегда накрыт,
Меня еще к тому же
И муза увлекает,
Бывает, что я даже
Стихотворством сыт.
Не знаю, дорогая,
Что тебе ответить...
Ровно как шестьдесят лет,
Как я к тебе примчал.
Агадырь мне стал
Понятен и приветлив,
Он по сути есть мой
Жизненный причал.
Для тебя он тоже
Причалом признается,
В Агадыре ты все же

Узрела быт и свет,
Он твоею родиной
Был и остается,
А быть со своей родиной —
Выше счастья нет.
Потому не будем
На Алтай бросаться,
Пусть живут там люди,
Как им Бог велел.
Нам же Богом велено
В Агадыре остаться,
Агадырь есть наш причал
И всех надежд задел.
Какого искать счастья
В далеких заграницах,
Какое у себя же
Под боком, на виду?
Мы с женой встречаем
Агадырские зарницы,
Неужто им изменим,
И они уйдут?
Нет, такого сделать
Мы сердцу не позволим.
Рассветы агадырские —
Мы кланяемся им.
Ехать на Алтайский край
Мы себя неволим,
За счастье агадырское
Мы с женой постоим.
Постоим за то,
Что здесь мы повстречались,
Как-никак родили
Взаимную любовь,
С этою любовью
Мы и повенчались,

Агадырь к тому же
Дал нам дом и кров.
Друзья и производство
На "дембель" проводили,
На "дембеле" мы двадцать лет,
Но нас не забывают,
На День железнодорожника
Приходят и ходили,
С пожилыми днями и вовсе поздравляют.
Чего нам со старухой
Еще от жизни надо?
Нам-таки исполнилось
Обоим по восьмерке,
Депо родное наше
Я вляет к нам отраду,
Наш добрый прошлый труд
Прошел свою проверку.
Конечно, мы трудились
Как надо, по-советски,
Пятилетки Брежнева
Исправно выполняли,
На доске почета
Светились молодецки,
На собраниях разных
Тоже выступали.
Ну, делились опытом
Нашего успеха
В наших трудовых
Общественных делах,
Иногда ссылались
На сбой и прорехи
И что пред производством
Мы все-таки в долгах.
А долг — что мы не ценим
Рабочую минуту,

Какая в совокупности
Сливается в часы,
За какие можно
Дать очко кому-то,
А кому-то просто
Сказать: "Рахмет! Жаксы!"
Тепловозы наши
С поездами ходят,
А за сутки сколько
Проскочит поездов?
Людские, грузовые
Бригады наши водят,
Так что машинист у нас
Должен быть здоров.
А потому нам надо
Ему создать картину,
Чтобы он в поездку
Не топал по грязи,
Так отыщи ему хотя бы
Горбатую машину
И на ней в поездку
Бригаду привези.

Глава шестая

Ах, все это было
Будто в поднебесье,
О том нынче хочется
Только вспоминать!
Отпуска мы ладили
То в Сочи, то в Полесье,
За что СССРу
Мир и благодать.
Но СССР, как видим,
Нынче испарился,
А по-русски просто —
Как свеча угас,
СНГ какой-то на смену появился,
Какой пока без тела,
Без головы и глаз.
СНГ бездомный
Мир вовсе не тревожит:
Чего его бояться,
Он ведь раздроблен?
Он сам свои проблемы

Создает и множит,
Этими проблемами
И нынче окружен.
СНГ, как есть, родил
Отдельные республики
Со своими гимнами,
Флагами, границами,
Со своей системой
И своей публикой,
Своими президентами,
Ответственными лицами.
Да, жаль простому люду,
Что СССР распался,
Единого, сплоченного
Не стало государства,
Теперь он в прах раздробленным,
Никчемным оказался,
А ведь являл когда-то
Возвышенное царство.
К тому же, он являл собой
Незыблемую силу,
Какую невозможно
Никому свалить,
Ему все было дорого,
Ответственно и мило,
Который с целым миром
Старался в мире жить.
Ему были дороги
И Ока, и Волга,
Днепровские пороги
И шолоховский Дон,
А версты по стране,
Тянулись долго-долго,
И просто неизвестно,
Когда кончался он.

Этот СССР тянулся
Вдоль большой Сибири,
Здесь были Енисей,
Лена и Байкал,
Об СССР повсюду
Громко говорили,
Хотя он себе славы
Не жаждал, не искал.
Но кому-то грезились
Его поля, богатства,
Нефтяные залежи,
Кавказские хребты,
Советское людское
Человечье братство,
Крымское приволье
Небесной красоты.
Нашлись в миру такие,
Кто на Союз нарвался,
Началась большая
И долгая война,
Но СССР великий
Ничуть не растерялся,
Во всеоружии встретил
Злобного врага.
Кровавая война
По земле катилась,
СССР единый
Врагу сломал хребет,
А все, как все республики,
В один кулак сплотились,
И той силы крепче
Не было и нет.
Теперь же эта сила
Пеплом распылалась,
Она в своих республиках

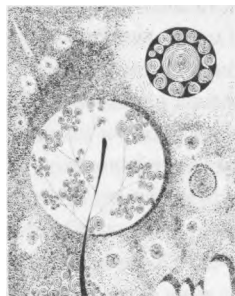
По-своему живет.
В республиках свои
Границы появились,
Неведомо какой их в СНГ
Ожидает цвет.
Как им всем сплотиться,
Коль беда нагрянет?
Ведь в войне с фашистами
В бой вела Москва.
Теперь Москва своею
Жизнью поживает,
У СНГ и вовсе
Свой мир, свои дела.
Теперь же в час военный
Кто на врага поднимет,
Кто на битву честную
Покличет, позовет?
Кто благородной армией
Командовать будет
И кто ее к победе,
Как прежде, поведет?
Сколько ни крутись,
А вопросов море...
Украина варится
Так в собственном соку,
Там в людей стреляют,
Всюду кровь и горе,
И петухи не кличут
К себе: "Ку-ка-ре-ку!"
Киев кличет на майдан
Народную дружину,
Украина стала у себя
Истинный воитель.
Она себя поистине
На плаху положила:

Украине СНГ —
Что зайцу вытрезвитель,
Ей в целом безразлично,
Как страдают люди,
Не трогают советы
России и Полесья,
Ее разгульный мир
Людские жизни губит,
Они людей сжигают
Аж в самой Одессе.
Так жизнь и идет,
Киев рвет и мечет,
Друзей увещеванья —
Что зайцу светофор,
Они людей стреляют,
Малышню калечат...
Какой же Украине
Необходим "бугор"?
В целом видят люди:
Украина кренится,
Есть у нее подвижки
Споткнуться и упасть.
Но народ Богдана
Своих традиций держится,
Власть стою народную
Он не позволит красть.
Эту власть рождали
Хмельницкий и Шевченко,
Она была в их сердце
И в родной крови,
Но пришли сегодня
От мира Порошенко,
Они уж точно лишены
К Отечеству любви.
Они большого Ленина

Кранами снимают,
А потом и вовсе
Топорами бьют,
На его место всякого
Махновца поднимают —
Этой новой власти
Заявка и дебют.
Что там будет дальше —
Жизнь разберется,
Но крайне б возмутился
Сидор-свет Ковпак.
С кем клика Порошенко
В народе остается,
Когда народ не верит
Своей стране никак?

Глава седьмая

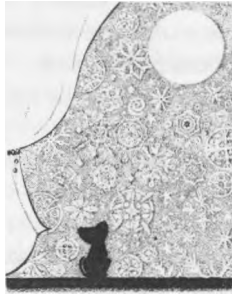
Я видел, как прощался
В своей книге Пушкин
Со своей романной
Красивою братвой.
Стал гадать и думать:
Это не игрушка,
Когда уходит от тебя
Твой боевой герой.
Жена прочла мои стихи
Нашему сыночку,
Я заметил в их глазах
Истинный экстрим,
Про себя ж решил
Рвать мои листочки
Не только с ее именем,
Но также и с моим.
За это мой читатель
Меня, скорей, осудит,
Он, может, даже жаждет
Поэмы продолжения.
Я вас уверяю,
Того никак не будет,

Посколь к нему пропало
У меня движение.
А без движенья, знаете,
И жизни просто нет,
Ведь мудрецы об этом
Извечно говорили.
Как-никак, я все-таки
Есть маленький поэт,
А они, известно,
Хоть что-то да творили.
Я ведь тоже сотворил
Поэму "Мой причал",
Как там все крутилось,
Я уже не знаю.
Недавно юбилей свой —
Восьмерку отмечал,
На какой и всех святых
За стол наш приглашали.
Я у них тогда просил
Продлить жизнь на пятерку,
Ну и прибавить много сил,
Когда жизнь меня потрет
На самой мелкой терке.
Если уж на мелкой,
То я не закричу,
А то и вовсе претерплю
Жизненные боли,
За книги мои новые
Я сердцем заплачу,
Как платят люди сильные
За жизнь свою и волю.
Но быть природно сильными
Могли молодогвардейцы —
Зоя Космодемьянская
Да Нуркен Абдиров.

Говорят, такими
Были и путейцы,
Что тянули рельсы
С сильным бригадиром.
В степной глуши чрез Агадырь
Рельсы те ложили,
А было то не менее
Как лет под сто назад.
Рельсы по безлюдью
Степью проходили,
Где ни один путеец
Безлюдью не был рад.
Людей в степной глуши
Жизнь просто не рождала,
Поскольку в той степи
Раздолье лишь сайгакам.
Строителей путей
Безлюдье не пугало,
Хотя пустынный мир
Людей пугал, однако,
Тех, кто зрел сайгачий бег
В степном ковыльном море,
Какое за кочевный век
Прорезал стальной путь.
Здесь окружные люди
Не стали жить по-прежнему,
Им хотелось на себя
И на весь мир взглянуть.
Да, людей в степной глуши
Жизнь просто не рождала,
Но все же в той степи
Один поселок жил,
Его люди для страны
Уголь выдавали.
Он, как было в те года,

Своей стране служил...
Годы шли, поселок рос,
Крутился, как всегда,
Он черный уголь добывал
Для большой страны.
Поселок называться стал
Моя Караганда,
Плоды которой по сей день
По всей стране видны.
Уголь шел и годы шли,
Караганда росла, светилась
Проспектами своими, красотой всей,
Затем ее шахтерскою
Столицей нарекли,
Какая стала истинно
Шахтерской и моей.
Здесь я бываю много раз
И в месяц, и в году,
Все-таки то город мой,
И все-таки столица.
Хоть я и гость
Какой-то здесь,
Но только здесь и ждут
Меня мои друзья — классические лица.
Классические лица —
Из "Классика" они,
Это дом издательства,
Где Слепцова знают.
Правда, все же утекли
И месяцы, и дни,
Где, видать, меня давно
Уже не вспоминают.

Глава восьмая

"Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть".
Такое в век Онегина,
Видно, так и было,
Не все семейства русские
Рвались на Парнас,
Много иностранного
По Руси ходило,
Какое нынче просто
Удивляет нас.
Конечно, в семьях в большинстве
Тискали французские
И язык, и моду,
Французские дома,
Но настоящий коренной Иван
Да Афанасий русский
Не сходили от французского,
Как богачи, с ума.
Пушкин тоже обладал
Русскою душою,

Его Парижи разные
Вовсе не манили,
Он в своем Михайловском
Так курку ел с лапшою,
С ним простые мужики
О жизни говорили.
Может, и родился у него
Оггого "Дубровский",
Потом и "Капитанская
Дочка" родилась,
О детях четверых своих
Он думал по-отцовски,
Быть отцом примерным
Мечта его сбылась.
Ну, а дальше ведома
История с Дантесом:
Француз России гения
Никак не пощадил.
Нам давно известны
Дуэльные процессы,
Из них который Лермонтова
Тоже уложил.
А Дантес безвестный
После той дуэли
Прожил еще целых
Лет эдак шестьдесят.
Как его французы
У себя терпели?
Мир того не знает,
И в свет не говорят.
А Мартынов тоже,
Уложив поэта,
Которому исполнилось
Только двадцать семь,
Он хотя и русский,

Но не жалел об этом,
Хотя был неприятен
Всей стране и всем.
Он прожил после Лермонтова,
Не мирясь, не каясь,
И, кажется, загнулся
В шестьдесят с хвостом,
Жил как россиянин
То вскачь, то спотыкаясь,
Которого не помнили
Ни прежде, ни потом.
Я все это о них
Сердцем вспоминаю,
А в целом жизнью Лермонтова
И Пушкина живу,
Из их произведений
Что-то выбираю,
Что-то проявляю
По жизни наяву.
Вот меня затронули
Ленский и Онегин:
Господи, и там-таки
Чертова дуэль!
А ведь так хотелось
Прожить без всякой неги,
Где не будут донимать:
"Вперед! Работать! Шнелль!"
Но то все было в прошлом,
Было да и сплыло,
Теперь мы с моей бабкой
Лихие пенсионеры.
Бабка так вращается
Со стиркою да с мылом,
А я так со стихами
Красуюсь кавалером.

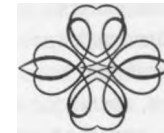
Коли разобраться,
Стихи — моя лишь проба,
Ну, проба это нашего
Душевного пера.
Жена так ее кличет
То "чуркой", то "зазнобой",
Какая не доводит
Поэтов до добра.
"Ну толку, что ты музою
Своею увлекаешься?
Чтоб издать книжонку,
Надо заплатить.
Ты со своею пенсией
Не слишком уживаешься,
А нам ведь, Абдрахман, с тобой
Надо жить и жить.
Конечно, видеть твои книги
Лестно и приятно,
Но о них ведь белый свет
Не ведает, не знает.
Ты в библиотеке спрашивал,
И неоднократно:
"Агадырец хоть один
Мои стихи читает?"
Библиотекарь откровенно
Тебе отвечала:
"Ваши книги, хоть убей,
Дремлют без движения".
У агадырцев, кажется,
Нет силы и начала,
Чтоб проникнуть
В книжный мир
Для омоложения".
Ну, не знаю, отчего
Агадырцы тусклые,

Как-никак, а Агадырь
Я за них прославил.
Нет, они не скомканы
И совсем не грустные,
На родной "железке"
Каждый след оставил.
И мы с моею женкою
По сорок лет отдали
Нашему родному
Железнодорожному депо,
В депо мы сорок лет
Друг другу руки жали,
Теперь уж так приветствовать
Не бросится никто.
Мы с женкой перед этим
Учились понемногу:
Она — в своей "железке",
Я — в своем КазГУ.
А после по-особому
Мы ладили дороги,
Я свои так нынче
Как память берегу.
Ну, а стихотворный зуд меня
И нынче донимает,
От него избавиться
Не хватает сил.
Этот зуд, как видится,
Стихи мои рождает,
Каждый из которых
Дорог мне и мил.
Ладно бы стихи одни —
Они ложатся в книги,
Какие по-стариковски я
Всякий раз целую.
Не знаю, отчего так говорят,

Что видят в книгах фигу,
А я так вижу целый мир
И в нем любовь большую
К своему Отечеству
И к своей семье,
К своей хоть нелюбимой,
Но все-таки работе,
Какая хоть не нравится,
Но нужна тебе,
Даже с ее вечною
Денежной заботой...
Не ведаю, не знаю,
Сколько то продлится
И как долог будет
Мой стихотворный век.
Мне каждый сборник грезится,
А то и вовсе снится,
В каждом таком сборнике —
Я и человек.
Человек со своею
Жизненной натурой,
Какая рождена уже
Нашим новым веком,
Интернет-мобильником,
Компьютерной культурой,
С их таким загадочным
Новым человеком.
Человек сегодняшний
По всему особый,
Нам, пенсионерам,
Он нынче не чета.
У него и мысли,
И характер новые,
У него по жизни новой
И своя черта.

Он свои дела
По-своему же ладит,
Он за прибыль верную
И за моря пойдет,
Недруга-соперника
По-своему отвадит,
И как расстаться, тоже
Он всегда найдет.
Убрали же со света
Листьева, Немцова,
Какая-то орава
Пристала к мужу Фриске...
Может, не читают
Нынче и Слепцова,
Что он не подходит
В стихах к жизни близко.
Что там в моих опусах —
Не ведаю, не знаю,
Я о них давно уже
Геройски не сужу.
Что там в моих опусах,
Я даже забываю,
Хотя стихи свои нередко
В руках своих держу.
Но все это, други,
Вам тоже надоело,
У каждого ребенка
Должен быть отец,
На моем причале
Меня и впрямь заело,
Поскольку должен наступить
Всамделишный конец.
С жизнью у нас с бабкой
Все идет нормально:
Алтай мы навещаем,

В Агадыре живем,
Всякие невзгоды
Делим пропорционально
И по своей старости
Без устали идем.
Свой причал мы с женкой
Давно облюбовали
И менять на город
Сроду не решимся,
Агадырю любимому
Мы себя отдали,
Здесь о доброй жизни
И мой роман родился.
Наш жизненный пирог с женой
Мы-таки состряпали,
Хотя ему сегодня
Ровно шестьдесят,
Бывало, что над ним и вовсе
Наши слезы капали,
Но он своею вкусностью
Порадовать был рад.

Глава девятая

Недавно за спиной моей
Лягнули: "Придурок!"
Оглянулся — старики,
И, видно, обо мне.
Наверно, я и впрямь для них
Искуренный окурок,
Какому лишь валяться
В грязи да на земле.
А старики, не иначе,
Меня в виду имели,
К этим моим самым
Жизненным стихам,
Конечно, мое что-то
Они читали, зрели,
Но, видать, стихи для них,
Что кошке потроха.
Ни один читатель
Мне не сказал: "Жаксы!"
Он же, черт возьми,
И не сказал: "Жаман!"
Вот отчего стихам я отдаю
Минуты и часы

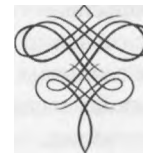
И за темой лезу
В свой собственный карман.
Что в кармане этом?
Жизненные разности,
Но больше воспоминания
О прежнем житии,
Бывали в нашей жизни
Отрады, несурразности,
Какие и стараюсь я
Людям донести.
Жизнь у нас с женкою
Несладко начиналась:
Она была учетчицей,
Я тепловозы ладил,
Такая наша жизнь
Долго продолжалась,
Все-таки три пятилетки
Я в депо слесарил.
Ну, а моей женке
Гульчатай-Раисе
Предложили в учетной группе
Начальницею быть,
Сказали, между прочим:
"Ты будешь директрисой,
А потому свою "учетку"
Старайся полюбить".
Так женка сорок лет
Директоршей шагала
И до пенсионного
Порога добралась,
Она свою работу,
Как профессор, знала,
В ее учетной группе
Любовь и родилась.
Любовь к своей профессии,

К своей работе, к делу,
По-нашенски — так просто
К делу своему,
Какое каждый труженик
По-советски делал,
Отдаваясь совести
И Богу одному.
После моей женки
И я засобирался
На свой добрый "дембель" —
Он тут же и поспел.
Конечно же, с коллегами,
С начальством распрощался,
А уж потом на пенсии
Согнулся, поседел.
Как-никак, а двадцать лет
Наш "дембель" с женкой длится,
С друзьями не встречаемся,
Не делим стопку, чай,
Жена своей работой
И памятью гордится,
А мне она советует:
"О прошлом не скучай!
Все-таки слесарною
Работой ты трудился
Целых три советские
Лихие пятилетки,
В депо тобой, бывало,
Крутились и гордились,
Хотя ты не умел нигде
Рвать в себе подметки".
Теперь же пенсионный век
Мы с женкой коротаем,
Наш причал, наш Агадырь
Мы несем в себе,

О старой нашей жизни
Мы только вспоминаем,
Доверяясь тому веку,
Надежде и судьбе.
В том веке было всякое —
И доброе, и тяжкое,
Но, главное, до пенсии
Мы все же дошагали,
В жизни испытали мы
Холодное и жаркое,
Хотя мы легкой жизни
С женкой не искали.
А ведь были средь друзей
Отъявленные Невские,
Какие, как со шведами,
Встречались и боролись,
Они, скорее, зарились
На жизнь королевскую,
Потому от деповчан
Однажды откололись.
Их манили белый свет,
Но больше города
С их бывалой шумностью,
С машинами, движением,
Таким счастьем для одних
Была Караганда,
Ставшая кому-то
Их жизни продолжением.
Железнодорожный люд Агадыря
Крутился в Сортировке,
Делал жизнь новую
Женки и свою,
У меня податься в белый свет
Не было сноровки,
О чем я в благодарности

Себе же и пою.
 Пою я, между прочим,
 Не по принуждению,
 А потому как все же
 Я клубный баянист,
 Себе так временами
 Кличу продолжение,
 Хотя я, между прочим,
 Поэт, а не артист.
 Поэтикой я все же
 Больше занимаюсь,
 Баян по принуждению
 На праздники беру,
 Как гармонист я вовсе
 Им не увлекаюсь,
 А чтоб закрыть концертную
 По праздникам дыру.
 А дыра так эта, други,
 Часто появляется
 В ансамбле нашем клубном
 Под именем "Сударушка":
 Хоть Агадырь наш небольшой,
 А в свет он приглашается,
 И в Сортировке во дворце
 Пели наши Марьюшки.
 "Сударушка", конечно,
 Из пожилых людей,
 В ней сплошь одни лихие,
 Но все ж пенсионеры,
 Но они готовы выступить
 В самой Караганде
 И стать для стариков
 Завистливым примером.
 Не нужно, други, жизнь свою
 Комкать, гладить, мять

И время проводить бездумное
 У плиты да телека,
 Надо в нашей старости
 Молодость отнять
 И мчать себя в свой новый мир,
 Как в кино, на велике.
 Пусть у него небыстрый бег,
 Но путь-таки прямой,
 Который на пригорочке
 Даст посидеть, подумать,
 У каждого на пенсии
 Путь, конечно, свой,
 Он заставляет каждого
 О жизни своей думать.
 Скажем, речь вот обо мне —
 Все ж стукнула восьмерка,
 А восьмерка — это, други,
 Вам не трын-трава,
 В жизни так нередко я
 Подвергался терке,
 Но остались чистыми
 Душа и голова.

Глава десятая

Две тысячи шестнадцатый
Зимою удивил,
Наш Казахстан особенно
Попал к нему в немилость:
Он снежными сугробами
Свет белый завалил,
Лишь юг благословенный
Он как-то пощадил,
Создав здесь теплоту,
Сырость и дожливость.
Юг благословенный он
И правда пощадил,
На него наслав дожди
Да раздолье солнца,
Людей, машины, малышню
По лужам он водил,
Хотя зима и зрела свет
Из своего оконца.
А мой карагандинский
Шахтерский шумный край
Так снегом занесло
От головы до пяток.

Хотя была команда:
"Сиди! Не выезжай!",
Так мы же пятки рвали,
Дав судьбе задаток.
А дороги снежную
Лавиной занесло,
Машины так скопились,
Как на коняшке грива,
Их в дали астанинские,
В Балхашье понесло,
А пурга так гнала
Снежную лавину,
Из-за какой не видно
И великана фигу.
Так братва дорожная
В плену и оказалась,
Застрав в снегах глубоких
На часы и дни,
Спасательная служба
Ползком к ним добиралась,
За что молились Богу-
И стране они.
Как-никак, полтыщи штук
Машинного семейства
Друг за другом выбирались
Из ледяного плена,
Казахстан давно не знал
Такого сверхзлодейства,
А всё, как видно, в космосе
Настала перемена.
Перемена эта давит
Землю потеплением,
Весенние потоки
Так все с пути сметают,
Рушатся дома, мосты,

Крепкие строения,
Люди остаются без жилья,
И что их ждет, не знают,
Такое было и у нас
В Карагандинской области,
Ведь потоком снесены
Так целые селения,
Люди никогда не ведали
Такой злодейской напасти,
Им остается только ждать
Команду для вселения.
Вселенья в новые дома,
В новые светлицы,
Но жизнь находит без ума,
Без состраданий лица,
Какие ждут команду "Строй!",
Ведь пострадали люди,
Они готовы встать горой,
Но им приказ: "На блюде!"
Весеннюю страду Козы
Люди пережили,
Где-то что-то строилось,
Где-то и вселились.
Стройотряды праведно
Долгу послужили,
За что им люди праведно,
Как богам, молились.
Молились всем строителям,
Акиму, Президенту
За то, что они забытыми
На свете не остались,
За то, что они согреты
Их теплом и светом
И в массах миллионных
Никак не потерялись.

А затеряться средь людей
В миллионных массах
В наше время трудное
Просто и легко,
Хотя у нас блаженствуют
Интернет и гласность,
От каких мы удаляемся,
Бывает, далеко.
Год Козы, как говорят,
Весь паводок отладил,
Было много сделано
Для пострадавших сил,
Он дома монтировал,
Мастерил и гладил
И новоселье в каждый дом
С собою приносил.
Неведомо, каким, друзья,
Мартышкин год окажется
И что весенний паводок
Людям принесет,
Пока лишь снежный великан
Над людьми куражится,
И пока неведомо,
Куда их поведет.
Мартышка-Обезьяна —
Существо капризное,
Как она там будет
Ладиться с весной?
Пока у нас лишь месяцы
Снежные, морозные,
Но как нам все ж бороться
С весеннею водой?
Ее так обещают
Не ручьи, а море,
И неизвестно людем,

Что море натворит.
В год Козы бывало
Уже такое горе,
О поплывших избах
И нынче грудь болит.
Не все еще дома
Отстроены, отлажены,
Кой-какие люди
По углам ютятся,
Их не привечают
Какой-то мерной блажью,
Им никак не хочется
Забытыми казаться.
Но, друзья, сегодня век
Не такой жестокий,
Сегодня он нам новый мир
По-своему отладит,
Кто сегодня без жилья,
Несчастен, одинокий,
Год Мартышки вашу жизнь
Все равно уладит.
Коль вы одинокие —
Она найдет вам пару,
Конечно же, у вас, друзья,
И детвора появится.
Может, вам придется
Задавать и жару,
Но ведь подвиг для страны
Тем в миру и славится.
Славится, что для людей
Ему себя не жаль,
Не жалко своей памяти
И своей судьбы,
Он людскую примет
Награду и печаль

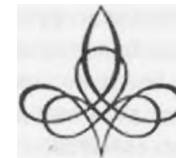
Для благословенья,
А может, для борьбы.
А были времена,
Когда я школу бросил
И как патриот страны
На целину подался.
На целине бывало все —
Бывал и гол, и босый,
Но я ужиться с жизнью
И с собой старался.
Жил, конечно, как и все,
Целинный пласт пахал,
Учился трудности не зреть
И видеть все в цвету,
На всякие погрешности
Лишь рукой махал,
Приветствовал не сложности,
А больше простоту.
В целинное поветрие
Я все же окунулся
И оценил величие
Единого житья,
Было, кто-то уходил,
Но опять вернулся,
Чего и удосужился
После них и я.
Был я, между прочим,
Напичкан целиною,
Целинную науку
Исправно постигал,
Была она со мною,
А то и не со мною,
Бывало, я ей много
От сердца отрывал.
Может, оттого,

Что был я патриотом,
Хотя мне было только
Восемнадцать лет,
Был я всем доступен,
Был и доброхотом,
Может, мне за то и сунули
Большой велосипед.
Велик — не такая уж
Сверхчувственная роскошь,
Но властей внимание
Манило и влекло,
Однако ощущал в себе
Я чувственную пустошь
И чувствовал, что у меня
Что-то утекло.
Во-первых, у меня не числилось
Живой десятилетки,
А значит, причислялся я
К неграмотным бомзам.
А если поженюсь,
Пойдут малышки-детки,
Что же я, безграмотный,
Им для жизни дам?
Работать где-то грузчиком
Или на подхвате?
Так на том не очень
Себя обогатишь,
Будешь как-то кутаться
В тряпки да халаты
И своею бедностью
Свет белый удивишь.
Такое уж бывало,
Жизнь это знает:
Безграмотные мужики
Нищими кончали,

Безграмотный, как водится,
Повсюду занимает,
Он свой долг не помнит
Последний и в начале.
Такое наше время
Видело воочию —
В наши дни безграмотный
Жизнью обделен,
Он себя считает
Никчемным, впрочем испорченным,
Он не человек, а простой бизон,
На каком и правда
Лишь остается ездить
Да на всем без устали,
Как на волю, пахать,
И м же все невзгоды
И несчастья мерить,
На него напасти
Валять и примерять.
Все именно такое
Я на себя записывал:
Не будешь, друг, учиться —
Уж точно пропадешь!
Целинную эпоху
С себя я уже списывал
И приказал, как командир:
"Учиться ты пойдешь!"
И что ж, пошел в училище,
В ту самую "железку",
Два года оттартарил,
А там и Агадырь.
Жизнь, может быть, по-своему
Отмеряла мерку,
Но я остался слесарем,
А не богатырь.

А там и жизнь, и годы
Свои права качали,
Окончил десятилетку,
А потом КазГУ.
Жил я, между прочим,
В своем родном причале,
А значит, в добродетельном
И родном кругу.
Жизнь и работа
Свое время брали,
Тут и знаменитый
"Дембель" подошел,
Коллеги и друзьяки
На "дембель" провожали,
Я им в благодарность
Даже что-то спел.
Ну, а дальше жизнь
По-своему крутила:
У жены свои дела,
У меня — свои,
Меня так поэтическая
Закрутила сила,
Мне, как мне казалось,
Даже пели соловьи.
Мне казалось, под окном
Тополь улыбается,
Я так в дни весенние
С ним не расстаюсь,
Он своими листьями
Моей щеки касается,
А я ему свои стихи
Вслух читать берусь.
Так я в одиночестве
И сижу под кленом,
Укрытый его кроной

И его листвою,
Он всегда приветливый
И всегда зеленый,
Мы где-то, между прочим,
И шепчемся с собой.
Я ему о том шепчу,
Что жизнь удалась,
Что женка у меня в селе,
Какой на свете нет,
Она за удовольствием
С богатством не гналась,
А шла со мною за руку
Шесть десятков лет.
Теперь мы с нею оба
Восьмерки разменяли,
Старческая жизнь нас
Не клонит и не гнет,
С юбилеем вся родня
И дети поздравляли,
Наш союз с бабулькой
И теперь идет.
И он точно вместе с нами
На тот свет уйдет...

Глава одиннадцатая

В школе так судачили
Об отступленьях Пушкина,
Составлявшие в "Онегине"
Особый свой процесс.
У Пушкина считалось то
Никак не безделушкой,
Потомки ж оценили то
И вовсе как прогресс.
Ну, взять хотя бы строки,
От меня далекие:
"Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
О ком твоя вздыхает лира?
Кому в толпе ревнивых дев
Ты посвятил ее напев?
Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?"
Как-никак, а Пушкин

Ведал, что ответить,
Ну, а я, друзья мои,
Что могу сказать?
Кого "Моим причалом"
Я смогу приветить,
И кого я в целом
Пытался показать?
Ну, в целом я как новичок
На целине крутился,
А женка так и вовсе
Школьницей была.
Потом уж, после ЖУшки,
Я в Агадырь явился,
Управа поселковая
Общагу нам дала.
В общаге этой было
Нас гавриков под сто,
Мы всей такой братвою
В депо на труд ходили.
Женатыми в том братстве
Не был я, никто,
Мы жизнь холостяцкую
По-своему творили.
Ну, а жизнь все-таки
Кому-то улыбалась,
Нам было-то по двадцать,
А то и двадцать пять,
Она из нас кого-то
Душевно повенчала,
Кого-то заставляла
Свою судьбу искать.
Вот в таком далеком
Крутом шестидесятом
И я свою подругу
И судьбу нашел,

Став с таким наездом
Крепким аккуратом,
И не стал казаться
Мальчишкой-малышом.
Ну, а там, как водится,
Мальчишечье собрание,
ЗАГСовские коврики,
Свадебные речи,
А после — своей женке
Любовь и обожание,
Работа, как положено,
В согбенные плечи.
Так вот все и двигалось
Целый сороковник
Наших тех советских
И СНГэвских лет,
Тут и подкрался "дембель",
Как боевой полковник,
От какого прятаться
Желанья просто нет.
А "дембельская" жизнь
Старикам известна:
В ней много неизвестного,
Но в ней своя душа,
Правда, в ней бывает
И много интересного,
Она бывает даже,
Как песня, хороша.
А мне так почему-то
Помнятся частушки,
Какие на венчанье
Звучали на моем.
Ну, частушки, в общем,
Не праздные игрушки,
Какие не осыплешь

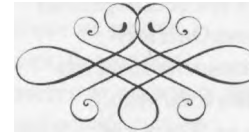
Даже серебром.
А частушки бабки
Исправно распевали,
Ударяясь под гармонь
В русскую присядку;
Им, как и положено,
По новой наливали,
А они так рвались в круг
По новой без оглядки.
Да и правда, говорят,
Мы теперь не те:
Где у нас тот неизменный
Русский фарс и пыл?
Нам теперь приткнуться бы
Где-то в темноте
И просто притвориться всем,
Что ты про все забыл.
Забыл, как шли мы танцевать
Под русскую гармошку,
У нас как будто бы печали
Сроду не водились.
В круг так часто вылетали
Дормидонт с Антошкой,
Откалывая номера,
Какие и не снились...
Теперь нас выйти в пляс и в круг
И ротой не заставишь,
Теперь нам больше по нутру
Наш век и тишина,
По нутру, когда ты свой
Карман акшою ладишь,
А это значит, ты богат,
Как и твоя страна.
Нынче, правда, наступил
Такой безумный век:

Куда ни глянь, что ни прикинь —
Все ценится тенгой,
За деньги так страдают все —
Люди, человек.
Мы были не навеяны
Пошлостью такой,
А это впрямь обозначает,
Что мы уже не те,
Что нам и неизвестно,
Какие силы движут.
Нас даже упрекают
В нашей простоте,
Правда, где она
И в чем она,
Я для себя не вижу.
Вдаваться в отступления
Вряд ли я смогу,
То, может, только Пушкину
И иже удавалось.
Я свою лишь музу
И стих свой берегу —
Видно, мне как старику
Это и осталось.
А так хотелось бы сказать,
Опять же Пушкина словами:
Я так хочу от жизни взять,
Что в свет рождалось головами!
Того же Пушкин не сказал,
Я родил те строчки лично
И их в куплет сей записал,
Пусть они несимпатичны.
Но все ж я Пушкина коснусь —
Он свой причал любил в деревне,
Куда и я вдруг окунусь
С поэзией своею древней.

"Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины,
В глуши звучнее голос лиры,
Живее творческие сны".
Ну как за то не дать поклон
Снам и лирике поэта?
Я себя уж спрашивал
В сотый раз подряд,
Ведь жить в своем причале
Другого счастья нету,
Такое ведь бывало много лет назад.
Меня не соблазняют
Городские выси,
Шумные кварталы
И городской пейзаж,
У меня в поселке
Веселее мысли,
Да и агадырский
Мне дорог антураж.
Может, уже где-то
Я говорил об этом,
Но, друзья мои,
В том и есть секрет,
Что за зимой с весною
Приходит все же лето,
Какое встретит строчками
Любой в стране поэт.
Может, тут прославятся
И наши карагандинские —
Показнов, Лахно
И Кирилл Круглов,
Может, им поэзия
Не такая близкая,
Но каждый стать Есениным,
Верю я, готов.

А все как у газетчика
Пушкина натура,
Он стихами может
Со всеми говорить,
Потому как у него
Наших дней культура,
Он может даже песню вам
От сердца подарить.
Есть песни о Москве,
Об Омске, Волгограде,
Есть о Севастополе,
Есть об Астане,
Были песни о былом
Красавце Ленинграде,
Есть песни и о нашей
Казахстан-стране.
Есть песни о Донбассе
И шахтерском городе,
О "столице" нашей —
Седой Караганде,
Есть песни и о Вологде
И даже Нарьян-Маре,
Лучше наших песен,
Видно, нет нигде.
Песенным поэтам
Я всегда молился,
Скажем, Добронравову
И вечный Исаковский,
Быть песенным поэтом
Я у них учился,
Но порыв мой песенный
Оказался плоский.
Песенное творчество —
Это Божий дар,
Об этом сами песни

О себе толкуют.
Я о шахтерах пробовал,
Но вышел лишь угар —
Голова слова о них
Не ложит, а тасует.
Оттого я с песнями
Просто распрощался,
Быть Исаковским, понял,
Мне некогда не быть,
К каким я только песням
Душой ни обращался,
Понял — в моем сердце
Они не будут жить.

Глава двенадцатая

Мне вновь лишь остается
Обратиться к Пушкину,
Опять к его бессмертному
"Евгению Онегину",
На песенное творчество
Поставил я заглушку,
Только на "Онегина"
Вся надежда с негой.
"Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор сошли снега,
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга".
Да, друзья, такое
Бывало в год Козы,
В воде так утопали
Машины, скот и люди,
Все дома и улицы
В шуге и в грязи...
Неведомо, что Обезьяна нам
Из космоса добудет?
Заносы нынче колдовские,
Мы зрим их, между прочим,

И живьем, и вскользь,
Они, как есть, степные,
Как есть, и городские,
И в них везде, повсюду
Застрял большой обоз.
Он из больших и всех машин,
В каких ютятся пацанва
И большие люди,
О них у государства
Кружится голова:
Как-никак, а помощь
Пострадавшим будет.
Как-никак, а люди
Часто без еды,
Посколь по снежной трассе
К жилью им не пробиться.
Спасатели же рвутся
Геройски, без вражды,
Им хочется от снежных лав
Быстрее освободиться.
Они сквозь плотный снежный пресс,
Как в космос, пробиваются,
Им важен жизни интерес,
Какой-таки сбывается.
Так и было — весь обоз
Из снежных лав освободили,
Каждый пленник, было, мерз,
Но все ж надеждой люди жили.
И надежда та сбылась:
Дороги задышали,
Народ помчался кто куда —
В Балхаш и Астану,
Им теперь сугробы
Ехать не мешали,
Так что можно проскочить

И в целом всю страну.
Что весна нам принесет —
Поживем-увидим,
Только наше государство
Нам пропасть не даст,
Для него всего дороже
Только люди, люди!
Поскольку это золотой,
Бесценный в жизни пласт.
Вот на этом, кажется,
Мы с вами и расстанемся,
Все-таки вы вроде
"Мой причал" прочли,
Может, кто-то про себя
Недоволен, кается,
Что строки эти длинные
Их время увели.
Что ж, прошу прощения —
Ведь все же я старик,
А у них, как водится,
Душа уже не та.
Старик к своим повадкам,
К характеру привык,
В его стихах не та уже
Блажь и теплота.
Но я стараюсь быть как все,
Как весь честной народ,
Как все мои друзья,
Читатели мои.
Все-таки, друзья мои,
Я вами просто горд,
Что вы мне все же отдали
Часть своей любви.
Как-никак, я все ж поэт
Хоть и самозванный:

Что с собой поделаешь
Коль строки донимают?
Бывает, я влезаю в них
Покаянно, незвано,
Но они меня хоть без прикрас,
Вверх да поднимают.
Но меня, скорее, вверх
"Классик" выдвигает,
Я ему за это
Так низко поклонюсь,
Благодаря ему
Меня в поселке знают,
Благодаря сельчанам
Поэтом я зовусь.
Быть поэтом, говорят,
Далеко не просто,
Я под сим поверьем
Хоть нынче подпишусь,
За каждого поэта
Я произнес бы тосты,
Особенно за тех из них,
Которых знает Русь.
Вот знает Русь о нашем
Олжасе Сулейменове,
Знает об Абае
И даже о Джамбуле,
Русь о дне рождения
Джамбула нам поведала —
Ему б уже сто семьдесят,
Будь жив он, было, было.
Как-никак, поэт слагал
В войну свои стихи
И даже как-то обратился
К голодным ленинградцам,
Сказав им: "Ленинградцы,

Дети вы мои,
Вами не иначе
Как нужно восхищаться!"
Мыслью поэтической
И нынче я живу,
Не знаю, сколько это
В моей душе продлится.
Связь с моей поэтикой
Все ж я рву и рву,
А она во мне живет
И вся во мне коптится
Пусть каким-то слабеньким,
Но все-таки дымком.
Стихи во мне хоть как-то
Без огня дымятся,
Кроме них, я ни о чем,
Да и ни о ком
Не могу ни в день-деньской,
Ни ночами братья.
Как мне ладить со стихом —
Ответить не берусь,
Тут, наверно, и сам Бог
Мне нынче не поможет.
Однако со стихами я
И нынче остаюсь,
Мой стихотворный черный червь
И нынче сердце гложет.
Противостоять ползучему
Мне червю нелегко,
Не знаю, как там в будущем
Мной жизнь распорядится,
Все ж я от поэтов
Ушел недалеко,
Почему я даже в "Классике"
Как поэт сгодился.

Не знаю, как он примет
Добрый "Мой причал",
Какие у него
Задумки и наметки,
За прежние мои стихи
Я как-то отвечал,
За что друзья дарили мне
От души монетки.
Мне они, конечно,
Вовсе ни к чему,
Но друзья мне говорят —
Это есть традиция,
Монетки, может, не нужны
Лишь Богу одному,
А в жизни им подчинены
Любые наши лица.
Итак, друзья, передохнем
И тихо распрощаемся,
Ведь сделал это мой поэт
С Онегиным своим.
Быть может, мы когда-нибудь
Снова повстречаемся,
Я буду любоваться вами,
А вы — стихом моим.
Итак, пожмем друг другу руки
И вспомним наши дни,
Когда мы хоть и редко,
Но все-таки встречались,
Когда вы все ж читали
Все опусы мои
И как-то о прочитанном
Друг с другом объяснялись.
То время улетело,
И мы теперь не те,
С читателем сегодня

Не слишком кашу сваришь:
Он лучше будет жаться
В квартире, в тесноте,
Его ж в библиотеку
И силой не заманишь.
Так вот и со мною
В Агадыре моем:
Из всех моих книжонок
Ни одна не читана,
Я в них не распевался
Веселым соловьем
И не славил жизнь людей,
Чья серебром пропитана.
Из всей моей семерки книг
Ни одна не читана,
Так мне библиотекарьша
Смущенно говорит:
"Не знаю, каким мастерством
Они у вас пропитаны,
Но к ним у посетителей
Желанье не горит".
Не знаю, что читателей
Нынче интересует.
Ладно, им сегодня
Пушкин ни к чему,
Но ведь Солженицын
Другую жизнь рисует,
Почему б читателю
Не броситься к нему?
Так нет же, не бросаются
И на Исаковского,
А на своих и вовсе
Вниманья ноль и два,
Не знают нынче, хоть убей,
Бровку да Твардовского,

О Гоголе и вовсе
Не кружит голова.
Вот такие наши дни,
Дорогой читатель,
Нынче Интернетом все
И техникой пропитаны,
Агадырь не ведает,
Что я поэт-писатель,
Хотя мои семь добрых книг
В Агадыре прописаны.
Что ж, друзья, и правда
Пожмем друг другу руки,
Кто ведает, когда мы
Еще с вами встретимся.
Возьмут ли меня время
И жизнь на поруки,
Когда возле лекарства мы
Беспрестанно вертимся?
Конечно, в седовласую
И длинную восьмерку
Надеяться с читателем
На встречу нелегко,
Надо бы не забывать
И седую поговорку:
От жизни до могилы
Не так уж далеко...
А в наш безумный быстрый бег
И в дымный космос дотянуть
До Зельдина Владимира
Слишком нелегко,
Он только-только разменял
Свой столетний путь,
До какого нам, беднягам,
Просто далеко.
Слава Богу, дотянул я

До восьмидесятки,
Если уж признаться,
Годы — ого-го-го-го!
Пора бы, говорят и мне,
Тебе мазать пятки
Туда, где с того света
Не видно никого.
Что сказать друзьям?
Я не обижаюсь,
Она с косою бродит
И ко мне придет,
А пока я жизнью
Просто наслаждаюсь,
Та же, что с косою,
И вас, друзья, найдет.
Мы все, друзья, сегодня
В этом мире смертны,
Пусть нам кому-то семьдесят,
А кому и за,
У нас одни великие,
В памяти бессмертные,
А мы лишь топчем землю,
Как в степи коза.
Ну чем мы прославляемся?
Скажем, мы поэты —
Ну, те, что в своей маленькой
Провинции живут?
Да, они рисуют
Своей судьбы портреты
И все же понимают —
Придет и им капут.
Поэты, говорят,
Вообще не заживаются,
То ли так навеяно
Им жизнью и судьбой,

А всё как они с обществом
И с людьми общаются,
Довольные друзьями,
Веком и собой.
Вот такими были
Пушкин да Есенин
И девы из "Простора"
Шашкова да Чернова,
Я пред ними встану
Даже на колени,
Они в меня вдыхают
Дух творчества по новой.
Конечно, мне далеко
До их духовной выси,
Все-таки по жизни я
Простой провинциал,
Провинция не может
Дать мне взгляд и мысли,
Оттого что жив я тем,
Что жизнью наживал.
Вот, видать, живу я тем,
Что в моих стихах,
Где из всех героев
Только я да я.
Правда, иногда гуляет,
И то лишь впопыхах,
Где-то моя женка
И вся моя семья.
Что ж, друзья, и вправду
Давайте разоидемся:
Вы — в свои кибитки,
Я — так в конуру,
Думаю, что встретиться
Нам больше не придется,
Поскольку, по гадалке,

Скоро я помру.
Как им, окаянным,
Верить иль не верить?
Но восьмидесятилетние
И на это падки,
И все же этот стих, друзья,
Схожу я к вам отксерить,
Поскольку я с поэзией
Не буду играть в прятки.
Стихи меня и нынче
В мою восьмерку дают,
Ну дают, паразиты,
Хоть ты разорвись!
Я им подчиняюсь,
Меня ж они не славят,
Хотя я отдаю им
Свою судьбу и жизнь.
Вот теперь и правда
Давайте распрощаемся,
Сколько мне отмерено,
Знает только Бог,
Коль ему понравится —
Мы снова повстречаемся,
Где я признаюсь просто,
Что жить без вас не мог.
Не мог, поскольку видел в вас
Себя, свою судьбу,
Видел свою родину —
Казахстан -страну,
Видел ее подвиги,
Движение и борьбу.
С таким накладом жизненным
К стихам я и прильнул,
От них бы отмахнуться,
Так нет ни сил, ни воли,

А коль по-хорошему —
Желанья просто нет.
А всё как все же я
Своей судьбой доволен,
И можно согласиться,
Что все же я поэт.
Но опять я к Пушкину
Душевно обращаюсь,
Пусть это будет память,
Любовь и та же дань,
Я все же вспоминаю
Великую ту Русь,
Где "в одну телегу
Впрячь коня не можно,
Как и все ту же
Трепетную лань".
Вот я как раз в поэзии
И есть тот конь ретивый,
Который свою ношу
Хоть как-то, но везет,
Конечно, к нашим ланям
Я остаюсь ревнивый —
Видно, для меня такой у жизни
Сделан поворот.
И все ж, друзья, хотелось бы мне
Агадырь с Карагандой
В сердце мое старческое
Навсегда впустить.
Может, после этого
Стану я иной
И смогу, как Зельдин,
Сто один год прожить.
А он и вправду жив
И даже выступает
В своем ему извечном

Доблестном театре,
И у меня, друзья мои,
Кровь в душе играет,
Отчего мои стихи
"Классик" выпускает.
А это значит, я живу
Жизнью полнокровной,
А коль живу, то, значит,
Я должен жизнь писать,
Пусть жизнь моя катится
По тропе неровной,
Но и на ней не должен я
Кривиться и упасть.
А всё как у поэта
Жизнь прожита большая,
За какую он немало
В жизни повидал,
В этой жизни он, друзья,
Богатств себе не шарил
И давил на творчество
И писчую педаль.
Потому, наверное,
Вдобавок к первым книгам
Вот только появились
Еще целых три,
В этих моих книгах
Вся жизненная лига
С жизнью своей внешней
И жизнью изнутри.
Быть к ним равнодушным
Любой поэт не может,
Поскольку он и люди —
Единое ядро,
Коль жизнь кого-то все же
Не радует и гложет,

Он их изжить поможет,
Хотя бы как в кино.
Итак, друзья, давайте
И впрямь поставим точку,
Хотя мне расставаться
С вами нет причины,
Я вновь, наверно, влезу
В вашу оболочку
И буду коротать свой век,
Как все в миру мужчины.
Наверняка я больше
Породнюсь лишь с "ящиком"
И буду слушать по нему
Разные известия;
Конечно, я не буду
У себя приказчиком,
Я буду только с вами,
Я буду с вами вместе.
А вы — так это вы,
Мой дорогой читатель,
Без вас я не поэт
И даже не писатель,
У меня без вас
И строчка не появится,
Ручки и тетрадки
Скучают и валяются.
Нет, с вами, мой читатель,
Я правда молодею,
Я мечтами вашими
И судьбой живу.
Свои ж стихи, друзья мои,
Я вашим сердцем грею
И жизнь вашу вижу
Не в сказке — наяву!

Глава тринадцатая

(последняя)

Что в этой жизни ново?
Вот выборы прошли,
В каких мы выбирали
Достойных кандидатов.
Мы в этой жизни новой
Своей дорогой шли
И нашу Независимость
Хранили, как солдаты:
На нее позариться
Может всяк-любой,
Жизнь это не по фильмам,
А по жизни знает.
Украина возле Крыма
Крутит головою,
Возле Крыма мыслью
С оружием витает.
Но крымчане сами
Подали запрос:

Быть хотим мы только
В подданстве России!
Их запрос, как водится,
В бумагах не зарос —
Крымчане нынче на Руси,
Чего они просили.
Конечно, регион у нас
Вовсе не такой:
В СНГэвской братии
Казахстан и друг, и браГ,
Он держит дружбу истинно
С любой чужой страной,
Он этой дружбой дорожит,
Он ею и богат.
У Казахстана, знает мир,
Есть сильных сто шагов
К возрожденью нашему-
К счастью и богатству,
Мы искать не будем
Сторонних берегов,
Мы крепить со всеми
Будем наше братство.
Но, друзья, политика
Не поэта хлеб,
Как-никак, я есть поэт,
Хотя и самозванный,
У меня к политике
Поклонов нет и нет,
А стихи так давят,
Как кашель окаянный.
От кашля я таблетками
Как-то да спасаюсь,
А вот от стихотворства
Хоть в доску расшибись,
И днем, и среди ночи

Я с ними бьюсь и маюсь,
А они мне шепчут:
"Пиши, друг, не ленись!"
Так вот со стихами
Я часто кувыркаюсь,
Они мне даже тему
Выбрать не дают.
Что с собой поделать?
Пишу, хотя и каюсь,
Считая, что стихи-таки
Это мой хомут.
Чего так донимать меня
В мой восьмидесятник?
Голова-головушка
Должна бы отдыхать,
Так стихи мне молвят:
"Ты наш есть соратник,
Потому ты должен
Нами лишь дышать.
Дышал же Пушкин в дни свои
Евгением Онегиным,
Так и ты, друг верный,
Нами и дыши,
Дыши весенним светом
И сошедшим снегом
И о том, конечно,
В свет белый напиши".
Беседовать я с музою,
Бывает, устаю,
Посколь я убеленный,
Но бойкий старичок,
Как бы свет ни двигался,
А стих я выдаю,
Какой-то черт невидимый
Дает такой толчок.

Мне женка так толкует:
"Ты, Абдрахман, уймись!
Пора бы со стихами
Тебе и впрямь завязывать,
Ты лучше так романами
Да прозою займись,
Такие вещи жизнь сама
Способна нам заказывать.
Есть же у тебя роман
"Годы аж Орлиные",
Нет, ты в том романе
Не водишь караван,
В нем нет лесов душистых
И песен соловьиных,
Читателя не водишь ты
По тропам разных стран.
А водил его ты
По стране Орлиной,
Какая близ Караганды
И теперь живет,
Ты ту страну изъездил
Почти наполовину,
Но теперь закончился
Советский тот полет.
Жили люди в самую
Советскую эпоху,
Хорошо ли, плохо ли,
И теперь живут,
Как ведают страницы,
Народ живет неплохо,
Посколь у всех работа
И благословенный труд.
Сейчас найти работу?
Ее просто нету,
Вокруг одни киоски

И весь торговый мир,
Вот о чем бы надо
Писать в стране поэтам,
Так нынче и поэты
Шлют себя в трактир.
Чего ему бросаться
В омут с головою?
Да пиши ты лучше
О детях, о весне,
Ты живешь со своею
Дорогой женою
В наше независимой
Дорогой стране.
Чего еще, признаться,
Нам от жизни надо?
Хлеба сколько надо,
Стол всегда накрыт,
Коль какой-то праздник —
Купим шоколада,
А в гостях хозяин
Так чаем напоит.
Такое уж бывало,
Да и теперь случается,
Сельчане меж собою,
Как в войну, дружны,
Они по договору
Где-нибудь встречаются,
Эти встречи им самим
И детям их важны.
Мне же больше с "Классиком"
Повидаться хочется,
Там ведь журналистский
Боевой народ,
Творческую книгу

Он примет, не поморщится,
Ну, а несуразицу
Так вам же и ушлет".
Такое, слава Богу,
Со мною не случилось,
А то обозначает,
Что я-таки поэт.
С поэзией и прозой
Что-то получалось,
Потому к издательству
Претензий нет и нет.
Претензии я лично
Себе лишь предъявляю:
Дорогой, возьми ты
Да роман напиши,
Жизненную фабрику
Ты прошел и знаешь,
Где долг наш человеческий
И судьба лежит.
Конечно, разговоров
Об этом будет много,
Но мы договоримся,
Пожмем друг другу руки,
У нас с вами будут
Разные дороги,
Но мы терпеть не станем
Дружеской разлуки.
Когда-то все же мы
С вами повстречаемся,
Мы — так это я
И читатели мои,
Как-никак, а наша жизнь
С вами продолжается,

Потому стих полнится
Надеждой о любви.
А вот теперь и правда
Давайте скажем: "Кош!",
Ну и на прощанье
Пожмем друг другу руки .
Не ведаю, как "Мой причал" —
Хорош иль нехорош,
Но я-таки отдал ему
Все творческие муки.
Все-таки сегодня мне
Не двадцать пять, не тридцать,
И не сорок восемь,
И не пятьдесят,
Потому не каждые
Я понимаю лица,
Отчего не ведаю,
Где школа, а то и детский сад.
Школа, ну конечно,
Это школа жизни,
А детсад — так это
Кто начинает жизнь,
Конечно, мы не думаем
О прежнем коммунизме,
Но хотим, чтоб как-то
Он обитался близ.
Хотим, чтобы повсюду
Для всех была работа,
Не только на проспектах,
Но и на селе,
Чтобы у начальства
Была о нас забота,
Чтоб оно заботилось
И о нашем дне.
А то ведь мы тусуемся

В жизненных пороках,
Которые хоть видим,
Но не познаем,
Создавая людям
Излишние мороки,
Какими без утайки
И теперь живем.
Я так эту жизнь
Нынче понимаю —
Может быть, по-своему,
Как простой поэт,
Может быть, я жизнь
Пока лишь изучаю,
Не пойдет ли кто-нибудь
Со мной за ней вослед?
Попутчик мне все ж нужен,
Чтоб как-то выделяться
Из агадырской тысячной
И тысячной толпы,
Я все ж хочу поэтом
Пред ними оказаться
И вовсе не сворачивать
С творческой тропы.
Что там жизнь покажет —
Поживем-познаем,
Только я с поэзией
До смерти не расстанусь,
Пока же я о будущем
Ничего не знаю,
И, кажется, по жизни
Без цели я скитаюсь.
А в целом мне так хочется
Создать нечто великое,
Подобие давнишней
"Поднятой целины".

Конечно, гнать за Шолоховым
Сегодня просто дико,
Но родить так хочется
Большое для страны.
Родить большой роман
О нашей жизни новой,
О новом Казахстане
И его судьбе,
О смелых его людях,
Красивых и здоровых,
Какие в час невзгодья
Помогут всем несчастным,
Помогут и тебе.
Но мечты, друзья мои,
Это не реалии,
Это только думки
О житье-бытье,
В котором люди разные
Твоей судьбой играли
И даже сокращали
Счастье твое.
Мир сегодня, видим мы,
Во многом изменился:
Невзрачных убивают
И крадут детей,
Если ты богатством,
Деньгой не поделился,
Так тебе из-за угла
Надают плетей.
Такое мы по фильмам,
По телеку видали,
А живая жизнь земли
Вживую преподносит:
За подвиги подобные
Им не дают медали,

Да они взамен монет
Ничего не просят.
Сегодня в нашем житии
Много непонятного,
Брожение СНГэвское
Не делает нам чести,
Украина себе ставит
Препоны неприятные,
Цель этой Украины
Ей тоже неизвестна.
Ах, друзья, давайте
На этом и завяжем,
Все равно всю нашу жизнь
Сердцем не объять.
Диалог с читателем
Я, думаю, налажен,
Нам лишь остается
Друг другу пожелать
Счастья и здоровья
И дальнейшей встречи,
Пусть больше книжек
Своих не напишу,
Бывало, говорили мы
Приветственные речи,
Теперь мы больше катимся,
Как Ленин, к шалашу.
А в этом шалаше
Думаются думы,
Какие настигают
Сегодня и меня,
Мне не снятся деньги,
Никакие суммы,
Мне снятся только люди
Сегодняшнего дня.
Мне снятся мои книги

И мой родной читатель,
Который все ж читать меня
Вовсе не спешит,
Я все же есть поэт,
Я все же есть писатель,
Время мою жизнь
Возьмет и разрешит.

Январь — май 2016 г.

Содержание

От автора к читателю.....	3
Глава 1.....	8
Глава 2.....	14
Глава 3.....	18
Глава 4.....	23
Глава 5.....	27
Глава 6.....	36
Глава 7.....	42
Глава 8.....	46
Глава 9.....	54
Глава 10.....	60
Глава 11.....	70
Глава 12.....	78
Глава 13.....	92

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 6,5 п.л.
Заказ № 845. Тираж 20 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,
г. Караганда, ул. Сатпаева, 15.
Тел.: 41-17-80.
www.arko-print.kz